

Глава 10

Настоящее имя Цзинчжэ было Цэнь Вэньцин, и было ему девятнадцать лет. По забавному совпадению, он родился в день пробуждения насекомых, поэтому и домашнее прозвище у него было Цзинчжэ.

Сяньфань находился не так уж далеко, но расследование и дорога туда-обратно заняли несколько месяцев, и на то были свои причины.

Предки семьи Цэнь были родом из Сяньфана. Отец Цзинчжэ, Цэнь Сюаньинь, служил мелким чиновником в Министерстве финансов. Его мать, госпожа Лю, происходила из простолюдинов. У них было двое детей: старший сын, Цзинчжэ, и младшая дочь, Цэнь Лян.

Двенадцать лет назад в Министерстве финансов вскрылось дело о казнокрадстве. Цэнь Сюаньинь оказался замешан. Его обвинили в халатности, взяточничестве и прочих преступлениях. Всю семью арестовали, а имущество конфисковали.

Родители Цэнь Сюаньиня уже умерли, да и сама семья вышла из низов. Лишь благодаря ему они начали подниматься, но не успели толком закрепиться в столице, как случилась беда.

Цэнь Сюаньиня казнили, женщин отправили в Управление придворной музыки и танцев, а Цэнь Вэньцина оскостили и отдали во дворец. В день, когда их должны были увести, госпожа Лю, уловив момент, бросилась в реку вместе с маленькой Цэнь Лян. Их тел так и не нашли.

Попав во дворец, Цэнь Вэньцин получил от своего наставника-евнуха новое имя — Цзинчжэ. Когда ему исполнилось десять лет и различные дворцы отбирали себе новичков, он сам вызвался служить у Чэнь Миндэ. Тот в итоге принял его, и с тех пор Цзинчжэ жил в Северных покоях.

Прошлое Цзинчжэ было кристально чистым, его можно было и не проверять.

Нин Хунжу помнил, что интерес императора Цзиньюаня к Цзинчжэ проснулся несколько месяцев назад.

Это случилось в день поминания Вдовствующей императрицы Цышэн.

Каждый год в этот день Нин Хунжу пребывал в страшном напряжении, боясь, что какой-нибудь неосторожный слуга попадётся императору под горячую руку. У Цзиньюаня был скверный характер, и, когда он впадал в ярость, никто не мог поручиться за свою жизнь.

Вся императорская цитадель — древняя, прогнившая, пропитанная мрачными воспоминаниями — с лёгкостью поглощала своих обитателей. Или же они сами тонули в её трясине, превращаясь в безжизненных, унылых чудовищ.

Цзинъюань был зверем, порождённым этой древней крепостью. Взойдя на трон, он принёс с собой лишь разрушение.

Но теперь этот властитель, сжимающий скипетр, сидел на троне, и его тело, сотканное из ненависти и жажды мести, источало холод. Он походил на застывшую каменную статую, безмолвно рассыпающуюся в прах.

Нин Хунжу трепетал перед этой расплзающейся мёртвой тишиной. Стоило подойти ближе, и казалось, что эта свирепая тоска затянет и тебя, разорвав на мелкие клочки.

Он со страхом и трепетом служил Цзинъюаню, день за днём наблюдая за каменным изваянием на троне.

— Проверь, кто сегодня из дворца Чэнхуань выходил по делам.

В день поминовения наконец появившийся Цзинъюань небрежно вытирал пальцы.

Алая кровь, словно краска, въелась в складки кожи, её яркий цвет пылал на фоне мертвенной бледности. На мгновение Нин Хунжу показалось, что мёртвая статуя ожила.

— И ещё проверь... одного молодого евнуха из Северных покоев по имени Цзинчжэ.

Император Цзинъюань заинтересовался кем-то или чем-то.

Для Нин Хунжу это, конечно, было хорошо.

Он боялся, что Его Величество так и останется безразличным и холодным, замораживая всё вокруг. Но для того, в ком или в чём император нашёл интерес, это вряд ли сулило что-то хорошее.

Потому что все, кто казался Цзинъюаню «забавным», заканчивали плохо.

Цзинчжэ поступил во дворец в семь лет. Причина, причастные лица, как он попал в Северные покои... все эти сведения вскоре легли на стол императора.

Палец Цзинъюаня остановился на одном имени.

— Чэнь Ань?

Это был главный евнух, отвечавший за партию новобранцев в год поступления Цзинчжэ во дворец.

Нин Хунжу поклонился:

— Чэнь Ань скончался два года назад от скоротечной болезни. — Его ум работал быстро, и он тут же понял, почему император задал этот вопрос. — Каждый год в день рождения Чэнь Аня Цзинчжэ посылал ему подарок. У них были хорошие отношения.

— Проверь Чэнь Аня, — приказал Цзинъюань, а затем добавил: — И отправь людей в Сяньфань.

Нин Хунжу немедленно повиновался.

Кто бы мог подумать, что расследование затянется на столько времени и действительно кое-что выявит.

Нин Хунжу, вспоминая имена из сегодняшнего донесения, нахмурился.

Хуан Цинтянь.

Нынешний министр финансов, родной брат Вдовствующей императрицы.

После падения семьи Цэнь, когда всех их бросили в тюрьму, Хуан Цинтянь отправил своих людей в Сяньфань. Теперь все дома и земли, некогда принадлежавшие семье Цэнь как в столице, так и в Сяньфане, числились за его женой, госпожой Сюй.

По мнению Нин Хунжу, Хуан Цинтянь не стал бы затевать всё это ради такой мелочи. У него было достаточно и денег, и способов их получить. А значит, его мотивы... заслуживали внимания.

Впрочем, расследовать это или нет, зависело только от воли Цзинъюаня.

Ведь донесение из Сяньфаня Его Величество ещё не видел.

А сам он так и не вышел из комнаты.

Нин Хунжу тихонько переступил с ноги на ногу.

Он поднял голову и посмотрел на ясную луну.

Близилась полночь.

В комнате Цзинчжэ беспокойно метался во сне. Он хмурился, словно его мучил кошмар, лоб

покрылся испариной, а дыхание стало горячим.

Трение кожи о ткань вызывало странную, колючую боль. Неприятные ощущения нарастали, и он едва не сорвал с себя одежду во сне. Наконец, пересохшее горло вырвало его из забытья, и он, пошатываясь, открыл глаза.

Жажда.

Горло словно пылало.

Цзинчжэ с трудом поднялся и, спотыкаясь, пошёл в темноте к столу.

Чай в чайнике был ледяным, но ему было всё равно. Он схватил чайник и залпом выпил половину, заморозив пылающие внутренности.

Бросив чайник, он почувствовал, как по телу снова разливается неестественный жар. Он распахнул воротник, обнажая кожу, и, затуманенным взглядом цепляясь за обрывки рассудка, ухватился за стол.

...Что-то не так...

Неистовый жар сжигал разум, мысли путались, словно в тумане... В пустой комнате его тело не должно было так... неудержимо...

Что-то...

Цзинчжэ поднял глаза, вглядываясь в темноту комнаты.

Он не должен был этого видеть.

Взгляд — невидимая, бесплотная сущность. Искусный соглядатай умеет скрывать своё присутствие.

Но если сам взгляд — источник искушения, то даже малейший его отблеск — это сжигающее вожделение.

Цзинчжэ, опираясь на стол, поднялся. Его затуманенные глаза встретились с парой глубоких, странных зрачков в тёмном углу.

— ...Я...

Даже говорить было трудно. В голосе слышалась растерянность и борьба.

Цзинчжэ, ступая босыми ногами по ледяному полу, пошёл в темноту. Холод не мог остудить его пылающий разум.

Он наткнулся на холодное тело.

Очень холодное.

Как застывшая каменная статуя.

Руки, могучая грудь — всё было пропитано ледяным спокойствием смерти. Даже Цзинчжэ, только что выпивший полчайника ледяной воды, замер от этого холода.

Он оперся о грудь статуи и на мгновение застыл, затем медленно опустил голову.

Прижавшись ухом к каменному сердцу.

Тук.

Тук-тук.

Он услышал биение сердца.

В его затуманенном сознании твёрдая статуя в тот же миг стала человеком, обретя немного тепла.

Он почувствовал необъяснимую обиду и облегчение. Длинные, холодные пальцы медленно коснулись лица незнакомца, и, лишь закрыв его ястребиные глаза, Цзинчжэ наконец расслабился.

Словно добыча, вырвавшаяся из лап охотника, он получил мгновение передышки.

— Не смотри на меня... — прошептал Цзинчжэ. Жар сжигал его, стирая грань между сном и явью.

Дрожащие пальцы с трудом укрыли этот проклятый, неотступный взгляд. Он бессознательно взмолился, почти всхлипывая. Обнажённый и чистый, как новорождённый младенец, он совершал самый откровенный и двусмысленный соблазн.

— ...Закрой глаза...

Цзинчжэ смутно чувствовал, что что-то не так. Он не должен был так близко с кем-то соприкоснуться... да и вообще, он уже давно не ощущал прикосновений чужой кожи... это было... странно... Но усталое тело и разум больше не могли сопротивляться. Его голова бессильно упала на широкое плечо.

Спустя долгое время большая рука легла на его горячий затылок и, сжав, погрузила мечущегося в агонии Цзинчжэ в беспомощность.

Словно измученная, напуганная птица, он наконец обрёл покой на ветке без корней.

Цепляясь за это обрывочное, тревожное, но знакомое чувство, он устало уснул.

<http://bllate.org/book/16993/1582532>